

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

Г О Д Ъ С Е М Н А Д Ц А Т Ы Й

132936

ТОМЪ LXLV¹⁸

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙН. ПРОСП., Д. № 39.

1874

3(05)
480

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢТКИ О ХИВИНСКИХЪ ТУРКМЕНАХЪ И КИРГИЗАХЪ.

(Изъ записной книжки).

Состоя въ должности переводчика при главномъ начальникѣ войскъ, дѣйствовавшихъ въ 1873 году противъ Хивы, я, вмѣстѣ съ Туркестанскимъ отрядомъ, провелъ четыре мѣсяца въ Хивинскомъ ханствѣ, въ теченіе которыхъ, записывая личныя свои наблюденія и рассказы туземцевъ, успѣлъ собрать нѣсколько, быть можетъ, не лишенныхъ интереса свѣдѣній о туркменахъ и киргизахъ, кочующихъ, какъ въ хивинскомъ оазисѣ, такъ и внѣ его предѣловъ.

Желая подѣлиться съ читателями нѣкоторыми изъ этихъ свѣдѣній, считаю необходимымъ оговориться при этомъ, что можетъ быть многое въ предлагаемыхъ замѣткахъ покажется неполнымъ, даже и безошибочнымъ въ частностяхъ, такъ какъ наблюденія свои и слышанные мною рассказы мнѣ приходилось записывать въ памятную книжку лишь урывками, въ досужее время; тѣмъ не менѣе, зная бытъ нашихъ русскихъ подданныхъ киргизовъ, я полагаю, что, въ общемъ, собранныя мною данныя о туркменахъ, племена, родственномъ киргизскому, не могутъ заключать въ себѣ рѣзкихъ неточностей.

Кромѣ свѣдѣній собственно о хивинскихъ туркменахъ, ихъ отношеній къ прочимъ народностямъ ханства, нравовъ и обычаевъ, я включилъ въ настоящія замѣтки и нѣкоторые разспросныя свѣдѣнія о распредѣленіи туркменовъ-текинцевъ по родамъ, полагая, что и они будутъ не бесполезны, въ виду возможнаго, послѣ хивинскаго похода, болѣе близкаго соприкосновенія съ этимъ соседнимъ туркменскимъ племенемъ.

I.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ТУРКМЕНАХЪ.

Туркмены—народъ магометанскаго исповѣданія, суннитскаго толка. Языкъ ихъ представляетъ смѣсь туркскaго съ узбекскимъ, причемъ у нихъ вкрадывается и много татарскихъ словъ, которыя въ Средней Азіи ни у сартовъ, ни у киргизовъ не употребляются. Въ доказательство этого, мы приводимъ ниже, въ концѣ нашихъ замѣтокъ, нѣкоторыя слова, заимствованныя туркменами изъ нарѣчія казанскихъ татаръ.

Типъ у туркменовъ—средне-монгольскій (схожій съ типомъ дико-каменныхъ киргизовъ); роста они высокаго, отличаются храбростью и воинственностью, поддерживаемою сильною склонностью къ грабѣжамъ и разбоямъ.

Туркмены, также, какъ и киргизы, живутъ въ кошменныхъ (войлочныхъ) кибиткахъ, которыя отличаются отъ простыхъ киргизскихъ тѣмъ, что онѣ выше, обширнѣе и красивѣе. Зимой они живутъ, также, какъ и узбеки, въ глиняныхъ сакляхъ, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Помѣщаемъ здѣсь списокъ родовъ и подраздѣленій туркменовъ, кочующихъ собственно въ Хивинскомъ ханствѣ, съ показаніемъ, на сколько это возможно, числа населенія въ нихъ:

1) Яумуды (*). — Они подраздѣляются на пять отдѣленій:

а) *Укузъ*—5,000 кибит.; б) *Салакъ*—20,000 кибит.; в) *Урчукчи*; г) *Ушакъ* и д) *Кужукъ*.

2) Эмралы.—Общая численность ихъ простирается до 10,000 кибит., и они дѣлятся на четыре отдѣленія:

а) *Гарадашлы*; б) *Каракумлы*; в) *Берды-ходжа* и г) *Кара-тайлы*.

3) Чаудыръ — 17,000 кибитокъ.

4) Гарадашлы — 5,000 кибитокъ.

5) Гукленъ — 300 кибитокъ.

6) Ала-или — 1,000 кибитокъ.

7) Арбачи — 200 кибитокъ.

8) Ата (**) — 9,000 кибитокъ.

9) Мехелли — 300 кибитокъ.

10) Дуячи (***) и 11) Игдырь — 300 кибитокъ.

12) Чандыръ — 400 кибитокъ.

Всѣ эти племена имѣютъ свои кочевки въ различныхъ мѣстахъ ханства, такъ, напримѣръ, яумуды — на *Газаватъ* и на *Кызылг-*

(*) Правописание встрѣчающихся въ настоящихъ замѣткахъ названій туркменскихъ родовъ и мѣстностей можетъ показаться нѣкоторымъ страннымъ; но мы приняли за правило писать эти названія такъ, какъ они произносятся самими туркменами.

(**) Ата (отецъ) имѣютъ документъ на владѣніе занимаемой ими землею, выданный ханомъ Алла-Кули и утвержденный послѣдующими ханами до нынѣ властвующаго Сеидъ-Мухамедъ-Рахима включительно. По этому документу туркмены-ата освобождены отъ доставки хану птицъ съ охоты, отъ выставки воиновъ, высылки рабочихъ на землекопныя работы и отъ внесенія пошлинъ при продажѣ на базарахъ. Взамѣнъ того, они обязаны ежегодно платить закеть, если будутъ въ состояніи, и уплачивать ежегодно десятую часть гушура съ хлѣба, посѣяннаго на казенной землѣ.

(***) Дуячи значить владѣлецъ верблюдовъ, или пастухъ верблюдовъ.

такиръ; здѣсь, кромѣ яумудовъ, кочуютъ еще гуклены и ала-или; эмралы, гарадашлы, дуючи, игдыръ, чандыръ и мехелли кочуютъ у *Элаглы* (Ильялы); чаудыръ—на *Арни* и *Пурст*; ата—на правомъ берегу Аму-дарьи, около *Шурахана*; арбачи — на *Шаббазъ-вали*.

Туркмены рода мехелли, живущіе въ окрестностяхъ Элаглы, рассказывали, что во времена царствованія въ Хивѣ Абдулла-хана, лѣтъ 18 тому назадъ, когда онъ велъ войну съ яумудами, мехелли, во избѣжаніе грозившей имъ опасности, откочевали къ *Дарья-Геру*, т. е. на персидскую границу. Оттуда они вернулись 3 года тому назадъ, но земли, имъ принадлежавшія, поступили уже въ полное владѣніе дяди настоящаго хана, Эмиръ-уль-умара; поэтому, возвратившіеся туркмены заявили желаніе о томъ, чтобы, взаменъ утраченной ими земли, русское начальство отвело имъ землю, принадлежавшую сарыкамъ, ушедшимъ лѣтъ 20 тому назадъ къ текинцамъ. Землею этою, какъ говорили туркмены, владѣютъ незаконно жители Элаглы. Количество этой земли 100,000 танаповъ (*).

Кромѣ перечисленныхъ выше туркменскихъ родовъ въ Хивинскомъ ханствѣ, по сосѣдству съ ними, живутъ еще слѣдующіе незначительные отдѣльные роды:

Въ 3-хъ ташахъ (**) отъ Хивы, къ сторонѣ Газавата, живутъ *шейхи*. Деревня ихъ состоитъ изъ 80 дворовъ. Шейхи никакой подати хивинскому хану не платятъ, на томъ основаніи, что и предшествовавшіе ханы, считая ихъ потомками Мухамеда, не обременяли ихъ податями.

Бывшій хивинскій ханъ Сеидъ-Мадраимъ (Мухамедъ-Рахимъ), лѣтъ 50 или 60 тому назадъ, по возвращеніи изъ похода въ Бухару, вывезъ изъ Кокишъ-давана *таджиковъ* и поселилъ ихъ около Элаглы, въ кишлакѣ *Чандыръ*. Ихъ не болѣе 50 дворовъ.

Замѣчательно, что какъ узбеки, такъ и туркмены относятся къ таджикамъ крайне враждебно, и при каждомъ удобномъ случаѣ разоряютъ ихъ.

Въ кишлакѣ *Акдарбанъ* живутъ исключительно *иранцы*, вывезенные съ семействами изъ Персіи; 43 года тому назадъ, изъ селенія, носящаго тоже названіе, братомъ бывшаго хивинскаго хана Алла-Кули, Рахимъ-Кули-инакомъ, ходившимъ войною въ *Мешедъ*. Всѣхъ ихъ 150 семействъ. Въ рабствѣ они не были и пользуются правами, наравнѣ съ прочими подданными хивинскаго хана. Кромѣ

(*) Каждый танапъ равняется 40 квадратнымъ саженимъ.

(**) Хивинскій ташъ равняется 6 верстамъ.

того, около Элаглы, живутъ еще иранцы (до 25 дворовъ), вывезенные изъ Персiи, изъ селенiй: *Бужнурдъ* и *Себызаръ*.

Въ Хивинскомъ ханствѣ, какъ рассказывали жители Шавата, не далеко отъ него кочуютъ *арабы*, отъ 50 до 60 дворовъ.

Вовремена ханствованiя въ Хивѣ Алла-Кули-хана (1827—1841 г.), были переселены изъ Герата, куда ханъ ходилъ войною, *ямшиды* (одинъ изъ авганскихъ родовъ). По рассказамъ мѣстныхъ туземцевъ, ихъ было до 10,000 кибитокъ; они поселены были на Кубя-тау, Мангытѣ, Кукчегѣ, Клычбаѣ, на лѣвомъ берегу Аму-дарьи. Жили они мирно, но ихъ тревожили частыми грабежами туркмены, которые сильно ненавидѣли ихъ. Ямшиды, вскорѣ послѣ убiенiя туркменами хивинскаго Абдулла-хана, пользуясь всеобщимъ безпокойствомъ и смутами, ушли обратно изъ Хивинскаго ханства, гдѣ они дѣйствовали за одно съ яумудами противъ узбековъ. Властвовавшiй въ Хивѣ Котлы-Мурадъ-ханъ (*), вызвавъ яумудскихъ старшинъ, одарилъ ихъ подарками и просилъ наказать чужестранцевъ ямшидовъ за то, что они, выведенные, наконецъ, изъ терпѣнiя своеволиями туркменовъ, рѣшились взяться за оружіе и даже заняли два города: *Клычбай* и *Кукчегъ*; это послѣднее обстоятельство было также причиною, побудившей ихъ ускорить уходомъ изъ ханства.

Когда ямшиды, уходя вверхъ по Аму-дарьѣ, дошли до *Шейхъ-арыка* (**), хивинскiй ханъ, получивъ объ этомъ извѣстiе, выслалъ изъ Хивы войско при 2-хъ орудiяхъ, подъ начальствомъ беклеръ-беги. У Шейхъ-арыка произошло столкновенiе и ямшиды, оставшись побѣдителями, ушли своей дорогой.

Существующая между хивинскими яумудами и узбеками вражда приписывается мести яумудовъ за убiенiе узбеками, лѣтъ 20 тому назадъ, брата Ата-Мурадъ-хана (яумуда) — Амманiязъ, пользовавшагося большимъ уваженiемъ и популярностію между туркменами. Онъ былъ убитъ самымъ позорнымъ образомъ: сброшенъ съ минарета мечети Хазретъ-Полванъ, въ Хивѣ, причемъ узбеки, найдя въ немъ еще признаки жизни, добили его палками, какъ бы отъявленнаго преступника.

Такой жестокiй поступокъ узбековъ сильно подѣйствовалъ на туркменовъ и съ тѣхъ поръ они, во главѣ Ата-Мурада, безъ того уже подчинявшiеся только номинально хану, возстали и держали долгое время въ страхѣ своими грабежами и разбоями все осѣдлое населенiе Хивинскаго ханства; хивинцы же, не имѣя достаточно муже-

(*) Умерщвленный въ 1856 году.

(**) Мѣсто переправы Туркестанскаго отряда чрезъ Аму-дарью.

ства сопротивляться, должны были поневолѣ терпѣть своеволие необузданныхъ туркменовъ. Грабежи и разбои послѣднихъ разрослись до такихъ громаднхъ размѣровъ, что они безнаказанно похищали женъ и дѣтей узбековъ, даже изъ ближайшихъ окрестностей Хивы, для продажи въ Мервъ.

Долго выносили хивинцы столь тяжелое для нихъ положеніе, пока, лѣтъ 7—8 тому назадъ, узбеки, потерявъ терпѣніе, стали громко роптать на бездѣйствіе хана въ отношеніи къ туркменамъ и просили его защитить ихъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, перейти на сторону туркменовъ и свергнуть его съ престола. Тогда молодой, нынѣ царствующій ханъ, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ, или, вѣрнѣе сказать, его сановники, желая уладить дѣло мирнымъ путемъ, отправили къ туркменамъ избраннаго ими узбека Рамакъ-юзъ-баши, пользовавшагося уваженіемъ туркменовъ, съ требованіемъ возвратить все, что ими было, въ разное время, ограблено и увезено; выполнение этого требованія должно было служить доказательствомъ миролюбиваго ихъ отношенія къ узбекамъ. Рамакъ вернулся, однако, изъ своей поѣздки, можно сказать, ни съ чѣмъ, не достигнувъ успѣшнаго результата. Туркмены уклончиво отвѣчали ему, что нѣтъ въ мірѣ страны безъ воровъ и разбойниковъ, и что за дѣйствія отдѣльныхъ личностей не отвѣчаетъ цѣлый народъ.

Такимъ образомъ, хивинскія власти остались между двухъ огней: съ одной стороны имъ грозила опасность отъ своихъ же узбековъ, готовыхъ привести въ исполненіе вышеприведенныя угрозы, съ другой—уклончивый отвѣтъ туркменовъ не обѣщалъ ничего хорошаго. Видя необходимость принять, при такихъ обстоятельствахъ, какія-либо мѣры, хивинскій ханъ рѣшилъ употребить хитрость: вызвалъ въ Хиву, подъ предлогомъ какого-то важнаго совѣщанія, старшинъ и вліятельныхъ людей туркменовъ-яумудовъ, а именно: Сары-сардара, Бахши и Ата-вакиля и, задержавъ ихъ въ Хивѣ аманатами, отправилъ въ городъ Элаглы нѣсколько сотъ всадниковъ, набранныхъ изъ жителей этого города и эмиралиновъ, при одномъ орудіи, подъ главнымъ начальствомъ Мамадъ-есаула-баши.

Туркмены, получивъ извѣстіе о выступленіи изъ Хивы войскъ и о задержаніи ихъ старшинъ, тотчасъ же дали знать объ этомъ своимъ родовичамъ, назначивъ мѣстомъ сборища Кызылъ-такирь. Хивинцы, извѣщенные о намѣреніи туркменовъ дать имъ сильный отпоръ, снарядили черезъ три дня другой отрядъ изъ Ташауза, подъ начальствомъ Хакимъ-атаалыка; немногочисленный отрядъ этотъ состоялъ изъ жителей Ташауза и гарадашлинцевъ. Затѣмъ, было получено въ

Хивѣ свѣдѣніе, что туркмены массою собрались на Кызылъ-тагирѣ, хотятъ напасть на Элаглы и оттуда, опустошая огнемъ и мечемъ окрестныя мѣстности, при благоприятномъ для нихъ исходѣ дѣла, дойти до самой Хивы. Тогда снаряженъ былъ, подъ начальствомъ хивинскаго сановника Мадъ-Ніяза еще третій отрядъ, состоявшій изъ жителей Хазаръ-Аспа, Бишъ-арыка и Питняка.

Когда въ Хивѣ узнали, что туркмены не думаютъ покоряться хану и хотятъ даже перейти на правый берегъ Аму-дарьи, гдѣ, подчинивъ себѣ мѣстное населеніе, начать рядъ завоеваній съ города Хазаръ-Аспа, то узбеки, чтобы воспрепятствовать плану туркменовъ, должны были отрядить четвертый отрядъ, подъ начальствомъ главнаго сановника хивинскаго хана, диванъ-беги Мадъ-Мурада, при 3-хъ орудіяхъ, съ полчищемъ, собраннымъ изъ Шавата, Клычъ-бая, Мангыта, Амбара, Кошъ-купыра и Кипчака.

Такимъ образомъ, хивинскіе отряды расположились: на сѣверъ отъ Элаглы — Мадъ-Ніязъ, къ которому присоединились Мамадъ-есаулъ-баши и Хакимъ-аталыкъ; за Ташаузомъ, на Кокъ-кушѣ — диванъ-беги Мадъ-Мурадъ и въ аріергардѣ, въ городѣ Элаглы, съ небольшимъ отрядомъ былъ оставленъ Якубъ-бай. Туркмены заняли пространство между Кокъ-кушемъ и Карніазомъ на Карадашли-Сангарѣ.

Узбеки, въ теченіе 5 мѣсяцевъ, не могли побѣдить туркменовъ, хотя держали ихъ въ осадѣ. Въ теченіе этого времени болѣе отважные, сравнительно съ узбеками, туркмены нападали нѣсколько разъ на хивинцевъ, но всякій разъ были отражаемы съ большимъ урономъ, благодаря, какъ говорятъ хивинцы, орудіямъ, не столько опустошавшимъ ряды непріятеля, сколько наводившимъ на него страхъ.

Пользуясь блокадою, въ которой они держали туркменовъ, хивинцы дѣятельно занялись запруживаніемъ каналовъ и, наконецъ, окончательно запрудили каналы: Газаватъ, Клычъ-бай и Лябданъ (Лауданъ) (*).

Недостатокъ воды и продовольствія скоро заставилъ туркменовъ рѣшиться на одно изъ двухъ: или направиться на Мервъ, или подчиниться Хивѣ; но такъ какъ идти на Мервъ, чрезъ непроходимые пески, значило рисковать погибнуть вмѣстѣ со стадами, по неимѣнію достаточнаго количества воды, то не оставалось другого исхода, какъ покориться хивинцамъ.

(*) Лябданъ выходитъ изъ Аму въ 6 верстахъ выше города Ходжа-или и былъ уничтоженъ тогда окончательно.

По требованію послѣднихъ, туркмены согласились перевести базаръ поближе къ Хивѣ, въ видѣ ручательства въ выполненіи наложенныхъ на нихъ обязательствъ, доставили аманатовъ, указанныхъ хивинцами, и наконецъ, обязались внести контрибуцію въ 6,000 тиллей и платить салгытъ (*) ежегодно по 4,000 тиллей.

Въ первый годъ туркмены исполнили всѣ обязательства, но на слѣдующій съ нихъ вовсе не было сдѣлано никакихъ взысканій, вѣроятно, потому, что сборъ контрибуции и подати былъ сопряженъ со многими затрудненіями и требовалъ, если не содѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, угрозы хивинской вооруженной силы.

Заложникамъ яумудамъ (главнымъ изъ нихъ былъ Ата-вакиль) была отведена земля, не далеко отъ Хивы, по хазарь-аспской дорогѣ, на Бишъ-арыкѣ, въ размѣрѣ 1,300 танаповъ; всѣ они были названы махрямами, т. е. воинами, и освобождены отъ всякой повинности.

Во время пребыванія русскихъ войскъ въ Хивинскомъ ханствѣ пріѣзжали также въ Хиву и представлялись командующему войсками, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, нѣкоторые туркмены изъ Мерва. Ихъ было 16 человекъ, въ числѣ которыхъ главные: Ханъ-бей, Мурадъ-сардаръ, Мухамедъ-Ниязъ-бекъ, Сагаты-бей, Авазъ-гельды-бей, Авязъ и Ташбекъ; всѣ они изъ рода сарыкъ (**). До Хивы они ѣхали 15 дней чрезъ *Сирабъ*, *Яраджи*, *Ташъ* и вышли на Амударью, у *Капаклы* (Кукертли). О своемъ родѣ и о текинцахъ эти лица сообщили мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Сарыки живутъ отъ Панди до Юлутака, и считаютъ себя подданными хивинскаго хана, хотя подати никакой не платятъ. Начальникомъ Мерва и туркменовъ рода текэ (***)—Каушутъ-ханъ, 50 лѣтъ, а начальникомъ рода сарыкъ—сынъ Ишана Калифа, Каримберды-Махсумъ.

Сарыки съ текинцами не всегда живутъ мирно, да и своихъ начальниковъ слушаются рѣдко. «Мы вѣдь туркмены, говорили они, а потому не любимъ никому подчиняться». Не даромъ существуетъ у нихъ поговорка: «трукманъ барда элъ булмасъ, калали эрда куртъ булмасъ» (гдѣ туркмень—тамъ нѣтъ мира; гдѣ городъ—тамъ нѣтъ волка).

(*) Салгытъ—подать съ дыма.

(**) *Сырыкъ* означаетъ чужестранныхъ овцы, преимущественно водащіяся у осѣдлыхъ народовъ.

(***) *Текэ*—горный баранъ.

Родъ текэ раздѣляется на два главныхъ отдѣленія: Токтамышъ и Отамышъ. Первое имѣетъ шесть подьотдѣлений:

- 1) *Амача*, жителей 3,000 кибитокъ, начальникъ Шехли-сардаръ;
- 2) *Кукчи*, жит. 4,000 киб., начальникъ Каушутъ-ханъ (онъ же начальникъ всего рода текэ);
- 3) *Кунтыръ*, жит. 2,000 киб., начальникъ Каибъ-ханъ;
- 4) *Харъзъ*, жит. 1,000 киб., начальникъ Казги-ханъ;
- 5) *Кара*, жит. 2,000 киб., начальникъ Карабай;
- 6) *Карача*, жит. 1,000 киб., начальникъ Уразмурадъ-ханъ.

Всѣ эти подьотдѣленія кочуютъ по рѣкѣ Мургабу, съ восточной ея стороны.

Отамышъ имѣетъ семь подьотдѣлений:

- 1) *Бахиш*, жит. 5,000 киб., начальникъ Анна-Яръ-ханъ;
- 2) *Султанъ-Азизъ*, жит. 2,000 киб., начальникъ Ашуръ-сардаръ, или, какъ его называютъ, Ашуръ-мергенъ;
- 3) *Буркасъ*, жит. 3,000 киб., начальникъ Ходжа-Нафасъ-аксакалъ;
- 4) *Шымасъ*, жит. 6,000 киб., начальникъ Батыръ-ханъ;
- 5) *Карахматъ*, жит. 5,000 киб., начальникъ Берды-Ниязъ;
- 6) *Паррянъ*, жит. 2,000 киб., начальникъ Тучыдши-сардаръ;
- 7) *Тубазъ*, жит. 500 киб., начальникъ Хагимъ-ханъ.

Кочевки ихъ расположены по западной сторонѣ Мургаба.

Родъ сарыкъ раздѣляется на пять главныхъ отдѣлений и каждое изъ нихъ на подьотдѣленія.

- 1) *Сукиш*, жит. 6,000 киб., начальникъ Каримберды-Махсумъ, (онъ же начальникъ всѣхъ пяти отдѣлений);
- 2) *Хурасанли*, жит. 4,000 киб., начальникъ Халназаръ-бекъ;
- 3) *Байражъ*, жит. 4,000 киб., начальникъ Ханъ-бекъ;
- 4) *Эрзеке*, жит. 10,000 киб., начальникъ Ягмыръ-бекъ;
- 5) *Амача*, жит. 6,000 киб., начальникъ Суинъ-ханъ.

а) Отдѣленіе *Сукиш* раздѣляется на три подьотдѣленія:

- 1) *Ирдена*, начальникъ Ата-ханъ;
- 2) *Дадыули*, начальникъ Маты-бай; и
- 3) *Чемша*, начальникъ Баба-ханъ.

б) Отдѣленіе *Хурасанли* раздѣляется на четыре подьотдѣленія:

- 1) *Маматай*, начальникъ Баба-бекъ;
- 2) *Куэнжи*, начальникъ Халназаръ-бекъ (онъ же начальникъ всего отдѣленія);
- 3) *Кадиръ*, начальникъ Акмухамедъ-бекъ; и
- 4) *Курдъ*, начальникъ Удакъ-бекъ.

в) Отдѣленіе *Байражъ* дѣлится на четыре подьотдѣленія:

- 1) *Джаныбекъ*, начальникъ Ханъ-бекъ (онъ же начальникъ всего отдѣленія);
- 2) *Ирки*, начальникъ Сары-бекъ;
- 3) *Сиддикъ*, начальникъ Сеидъ-бекъ;
- 4) *Муртаза*, начальникъ Куванчъ-бай.

2) Отдѣленіе *Эрзеке* состоитъ изъ шести подьотдѣлений:

1) *Кужали*, начальникъ Ягмыръ-бекъ (онъ же начальникъ всего отдѣленія); 2) *Кызылз*, начальникъ Заирбекъ; 3) *Беденз*, начальникъ Курбанъ-дырды-бекъ; 4) *Канлибашъ*, начальникъ Авазъ-бекъ; 5) *Кулджа*, начальникъ Бахбидъ-ханъ; 6) *Суйнали*, начальникъ Сеидъ-Кули-бекъ.

д) Отдѣленіе *Алача* дѣлится также на шесть подотдѣленій:

1) *Ходжа-Назаръ*, начальникъ Суинъ-ханъ (онъ же начальникъ всего отдѣленія); 2) *Бешедмесъ*, начальникъ Яхши-Сагадъ-бекъ; 3) *Аучи*, начальникъ Карабекъ; 4) *Чалбазанъ*, начальникъ Арнаберды-ханъ; 5) *Алмышъ*, начальникъ Аманъ-ханъ; 6) *Апаш*, начальникъ Арна-Мурадъ-бекъ.

По сосѣдству съ сарыками и текинцами существуютъ еще туркмены рода Еръ-сары (*). Кочуютъ они между *Чарджуемъ* и *Клыпомъ* (Балхомъ) и занимаются хлѣбопашествомъ; часть изъ нихъ подчиняется бухарскому эмиру, а часть—Кабулу. Общая численность еръсары простирается свыше 60,000 кибитокъ. Весь родъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: *Кара* и *Бакаулъ*; начальникомъ въ первомъ — Султанъ-Мурадъ-бекъ, а во второмъ — Мадъ-Турды-ишанъ.

II.

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНИ ТУРКМЕНОВЪ И ДРУГИХЪ НАРОДНОСТЕЙ ХИВИНСКАГО ХАНСТВА.

Каждый туркменъ считаетъ себя вполне самостоятельнымъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ ни кому не отдаетъ отчета и только по необходимости и подъ давленіемъ силы, подчиняется другому. Онъ чуть не съ пеленокъ понимаетъ установившееся значеніе слова «туркменъ», состоящаго изъ двухъ словъ: *туркъ* (турокъ) и *менъ* (я); въ этомъ и заключается причина разрозненности туркменовъ и отсутствія общаго руководителя или дѣйствительнаго начальника. Правда, туркмены, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, группируются иногда въ одну массу, для противодѣйствія общему врагу, какъ это мы видѣли въ іюлѣ 1873 года, но къ этому они прибѣгаютъ только временно. Даже когда туркмены собираются на газаватъ (война за вѣру), провозглашенный какимъ нибудь фанатикомъ, сеидомъ или ходжею, принося въ жертву все, что есть у нихъ дорогого, и, явившись на назначенное мѣсто сходбища, выбираютъ по общему соглашенію одного военачальника, то все таки и тогда каждый изъ нихъ остается самостоятельнымъ, и дѣйствуетъ самъ по себѣ; отъ этого, не смотря

(*) Еръ—храбрый; сары—блондинъ.

на чрезвычайную ихъ смѣлость, туркмены большею частію проигрываютъ дѣло.

Въ описаніяхъ нѣкоторыхъ знатоковъ средне-азіатской жизни готовность, съ которою туркмены являются на газаватъ, приписывается вліянію исламизма; по нашему мнѣнію, это не совсѣмъ вѣрно. Не слѣпая преданность религіи заставляетъ турмена скакать за нѣсколько сотъ верстъ на мѣсто сборища, а соблазнительная надежда обогатиться наживой или желаніе прославиться батырствомъ въ глазахъ своихъ соотечественниковъ. Слово «батыръ», въ глазахъ туркменовъ, имѣетъ большое значеніе, какъ въ общественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, потому что военачальники выбираютъ преимущественно изъ извѣстныхъ батырей, которымъ при дѣлѣ добычи достается, конечно, и большая часть.

Вообще, надо замѣтить, что фанатизмъ далеко не такъ развитъ въ Хивинскомъ ханствѣ, какъ въ Бухарѣ и Коканѣ. Обстоятельство это особенно рѣзко бросалось намъ въ глаза во время нашего пребыванія въ ханствѣ, какъ въ общественной жизни, такъ и въ школахъ. Въ доказательство можно привести нѣсколько слѣдующихъ примѣровъ: во время богослуженія въ военно-походной церкви въ Хивѣ, собиралась вокругъ нея толпа народа, съ любопытствомъ слушающая церковную службу. Оставаясь до самаго конца, туземцы не обнаруживали ни какой религіозной нетерпимости, тогда какъ бухарцы и коканцы, въ особенности первые, считаютъ большимъ грѣхомъ не только слушать и интересоваться нашимъ богослуженіемъ, но и приближаться къ православному храму.

Далѣе, хивинскіе узбеки и туркмены, являясь къ генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману и при встрѣчахъ съ нимъ, всегда привѣтствовали его словами: «ассаламъ алайкымъ» (да будетъ благословеніе Божье надъ вами). Эта фраза арабская, и всегда произносится правдивѣйшимъ только правдивѣйшему, а русскаго, т. е. гяура, никогда и ни въ какомъ случаѣ не привѣтствуютъ этой фразой (*). Приписать такое обращеніе туркменамъ и узбекамъ съ русскими страху къ побѣдителямъ, едва ли справедливо, такъ какъ мы можемъ указать на тотъ фактъ, что когда взятъ былъ Самаркандъ въ 1868 г., то подобнаго привѣта отъ жителей этого города и другихъ мѣстностей мы не слышали.

Когда же войска наши возвращались обратно изъ Хивы, на переправу въ Ханки, то жители его, и при послѣднемъ нашемъ посѣщеніи, привѣтствовали генералъ-губернатора той же фразой.

(*) Въ Бухарѣ и Коканѣ даже не говорятъ русскимъ «вы».

На оборотъ, жители города Новаго-Ургенча, при внимательномъ наблюдении, поражаютъ совершенно противоположнымъ, религіознымъ направленіемъ. Такъ, напримѣръ, во время нашего, нѣсколько часового пребыванія въ этомъ городѣ, мы не разъ слышали слово «кафиръ» (невѣрующій), что уже прямо показываетъ ихъ ненависть къ русскимъ и жители, при встрѣчѣ съ нами, не произносили привѣтствій. Даже одинъ изъ нихъ, не помнимъ теперь его имени, говорить, что русскихъ, по закону, нельзя привѣтствовать «саяломъ».

Причина такой особенности Новаго-Ургенча заключается въ томъ, что въ этомъ торговомъ городѣ поселились татары, выходцы изъ Россіи, и религіозную нетерпимость тамошнихъ жителей мы приписываемъ, исключительно, влиянію татаръ-фанатиковъ. Въ Новомъ-Ургенчѣ встрѣчаются и чалмоносцы въ большемъ числѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ ханства.

Въ хивинскихъ школахъ также не проповѣдуется, сколько намъ извѣстно, непріязнь къ русскимъ, между тѣмъ какъ въ Бухарскомъ ханствѣ это не составляетъ рѣдкости. Поэтому, мы позволяемъ себѣ думать, что цивилизація скорѣе можетъ проникнуть въ Хивинское ханство, чѣмъ въ другія средне-азіатскія владѣнія. Возможность этого, по нашему мнѣнію, облегчается тѣмъ, что населеніе ханства состоитъ изъ различныхъ народностей, не пропитанныхъ духомъ мусульманскаго фанатизма, а главное, въ Хиву не успѣло еще проникнуть много татаръ, изъ опасенія быть ограбленными, или захваченными въ плѣнъ номадами.

Въ общемъ, народъ въ Хивинскомъ ханствѣ (мы не говоримъ о разбойникахъ и грабителяхъ) вовсе не относится враждебно къ русскимъ, и ему все равно, кто бы не управлялъ имъ, лишь бы его не угнетали. Въ доказательство этого индифферентизма хивинскаго населенія приведемъ подлинное выраженіе жителей города Шурахана, изъ письма, написаннаго генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, 17-го мая 1873 г., въ то время, когда русскія войска, до взятія Хивы, стояли еще на правомъ берегу Аму-дарьи, на урочищѣ Акъ-камышъ: *«У кого постыетъ раньше просо—того мы и куры. Если вы насъ возьмете, то мы окажемъ большія услуги вамъ, чѣмъ хивинскому хану».*

1) Бракъ.

Родовая гордость проявляется у туркменовъ въ ихъ обыденной жизни и во всѣхъ сношеніяхъ съ ихъ соотечественниками и другими племенами. Такъ, напримѣръ, туркмены родовъ: текэ, сарыхъ, еръ-сары, салыръ и аумудъ, выбираютъ себѣ женъ каждый изъ своего

рода, а за туркменовъ остальныхъ родовъ своихъ дочерей не выдаютъ; въ этомъ отношеніи, одни только яумуды составляютъ исключеніе, но и то роднятся, преимущественно, съ чаудырами, съ которыми, какъ рассказываютъ яумуды, они имѣютъ издревле близкое родство по своему происхожденію.

Роды: яумудъ, чаудыръ, эмралы, гуялены, гарадашлы, алаили, мехелли и караджельгельды (*) всѣ носятъ общее названіе *сеилъ-ханъ*, (намъ передавали, что такъ назывался главный ихъ родъ, въ древнія времена). Эти роды, кромѣ яумудовъ и чаудыровъ, были переселены въ Хивинское ханство изъ Мерва, во время царствованія въ Хивѣ Мухамедъ-Рахимъ-хана и Алла-Кули-хана (т. е. въ періодъ времени съ 1802 по 1841 годъ).

Они берутъ себѣ въ жены женщинъ изъ своихъ только родовъ, кромѣ двухъ первыхъ, которые, по своей многочисленности, богатству и гордости, хотя сами и женятся на дочеряхъ другихъ родовъ, но своихъ дочерей стараются выдавать только за мервскихъ туркменовъ, желая этимъ приобрести себѣ отважныхъ родственниковъ въ лицѣ текинца, или сарыка, или же еръ-сары.

Туркмены, вообще, не женятся на дочеряхъ узбековъ, во-первыхъ, по національной гордости, не желая водить родства съ нелюбимой націей, и во-вторыхъ, они избѣгаютъ разводиться съ женами, а между тѣмъ, узбекскія женщины, какъ говорятъ туркмены, весьма склонны къ этому; туркменки же, напротивъ, никогда не прибѣгаютъ къ разводамъ, считая это *харъ* (позоромъ). Если иногда и случается что туркменьъ женится на узбечкѣ, то это слѣдуетъ приписать накому либо особо уважительному обстоятельству, побудившему его искать родства съ узбекомъ.

Живущіе въ Хивинскомъ ханствѣ роды туркменовъ ата, хаджа (ходжи—потомки Али), шейховъ и ишановъ, носятъ одно общее названіе—*сеиды*. Сеиды изображаютъ изъ себя духовенство, держатъ себя весьма гордо, и дочерей своихъ, какъ за другихъ туркменовъ,

(*) Караджельгельдинцы, въ сущности, называются *куль-чаръ* (куль—рабъ, чаръ, или върнѣе чуръ—рабыня); это дѣти яумудовъ, родившіяся отъ рабынь (въ родѣ нашихъ сибирскихъ чало-казановъ). Прежде куль-чары кочевали вмѣстѣ съ яумудами и жили мирно, но лѣтъ 30 тому назадъ, одинъ изъ куль-чаръ въ дракѣ убилъ одного яумуда чистой крови. Ханъ, къ которому обратились съ жалобою, разрѣшилъ, вмѣсто одного яумуда чистой крови, убить двухъ куль-чаръ. Послѣ того, послѣдніе, съ разрѣшенія хана, отдѣлились отъ яумудовъ и переселились на урочище *Караджельгельды*. За ними теперь и утвердилось, по мѣсту ихъ кочевки, названіе этого урочища. Шесть лѣтъ тому назадъ, когда яумуды возстали противъ хивинскаго хана, караджельгельдинцы, мстя яумудамъ, держали сторону хана.

такъ и за узбековъ не выдаютъ (*), исключая, однако, тѣхъ, которые хотя и будучи туркменами или узбеками, но своею начитанностію и знаніемъ шаріата заслуживаютъ высокой чести быть женихами дочерей сеидовъ.

Если кто изъ туркменовъ или узбековъ похититъ дочь сеида, то это почитается кровною обидой, и въ случаѣ *суякъ-синдыриана* (оскверненія своей кости), похищенную женщину отбираютъ общими силами и предають позорной казни. Такъ, напримѣръ, привязавъ ее за косы къ хвосту лошади, пускаютъ ее въ табунъ, или раскаленнымъ желѣзомъ прожигаютъ половыя части несчастной дѣвушки, или же, связавъ руки и ноги, бросаютъ въ рѣку и т. п. Похитителя за кровную обиду убиваютъ; если онъ при этомъ достигнутъ на дорогѣ, то куна за убійство его не платятъ, если же убьютъ въ аулѣ, то должны заплатить за него кунъ родственникамъ.

Каракалпакъ, живущіе въ Хивинскомъ ханствѣ, тѣ же киргизы, выдаютъ своихъ дочерей за узбековъ и киргизовъ, и сами женятся на ихъ дочеряхъ. Кътай-кипчаки, кенегесъ, мангытъ и конградъ (киргизскіе роды) женятся на дочеряхъ своихъ родовъ, но ни за узбековъ, ни за туркменовъ они не выдаютъ своихъ дочерей.

Узбеки также не выдаютъ своихъ дочерей ни за туркменовъ, ни за иранцевъ, ни за киргизовъ, но сами женятся на дочеряхъ иранцевъ, которыхъ привозятъ въ ханство для продажи. Дѣти, родившіяся отъ узбека и чуръ (рабыни), называются «дорячей» или «ханазатъ». Внуки называются «алтынъ-джилау», и только правнуки получаютъ уже право называться узбеками.

Сватовство у туркменовъ, какъ и вообще у мусульманъ, не обходится безъ калыма, уплачиваемаго женихомъ родителямъ невесты. Богатые туркмены отдаютъ въ калымъ за дѣвицу (**) 150 тиллей или десять верблюдовъ, или же известное количество разнаго скота, равняющееся стоимости 150 тиллей; но при полученіи калыма, отецъ невесты «прощаетъ», изъ уваженія къ прибывшимъ сватамъ и отцу жениха, часть калыма, именно: 30 тиллей изъ суммы, вносимой золотомъ монетою, а изъ числа верблюдовъ два верблюда. Размѣръ калыма за вдову (***) простирается до 50 тиллей, а если онъ уплачивается верблюдами, то состоитъ изъ четырехъ верблюдовъ,

(*) Точно такъ, какъ у киргизовъ султаны (бѣлой кости) не выдаютъ своихъ дочерей за простыхъ киргизовъ.

(**) Дѣвицы носятъ у туркменовъ названіе «кузи-ачилмаганъ», что значитъ: «не раскрытые глаза».

(***) Вдова называется: «кишинъ-джекасынъ искеганъ», то есть «нюхавшая чужой воротъ».

стоимостью, равной, конечно, той же суммѣ. Обыкновенная, нынѣ принятая плата калыма у среднего класа колеблется между четырьмя и шестью девятками тиллей (*). У низшаго же класа за вдову платится въ калымъ отъ двухъ до четырехъ тиллей. Въ послѣдніе два года цѣна калыма за двѣицъ постоянно стояла въ семь тиллей, а за вдовъ доходила до шести тиллей. Это возвышеніе цѣны приписываютъ тому обстоятельству, что въ послѣдніе два года не было большого вывоза женщинъ изъ Персіи.

Въ условленное время года отецъ жениха пригоняетъ скотъ, назначенный въ калымъ, въ аулъ къ отцу неvěсты, и съ нимъ пріѣзжаютъ молодые люди, которые должны сопровождать неvěсту въ аулъ жениха; женихъ же остается въ это время дома, въ ожиданіи прибытія своей неvěсты. Отецъ послѣдней, по полученіи полного калыма, произноситъ: «джауабъ», что значитъ «разрѣшаю». Тогда пріѣхавшіе за неvěстою джигиты (юноши) отправляются въ ея кибитку и тамъ, по принятому обычаю, отнимаютъ силою неvěсту отъ окружающихъ ее женщинъ; при этомъ, неvěста должна выказывать нежеланіе оставить родительскій домъ. Собственно обрядъ отниманія называется «тартысъ», означающій по буквальному переводу «перетягиваніе». Отнятую неvěсту джигиты выносятъ на площадь, гдѣ сажаютъ ее въ «кежебе» (ящикъ), который покрываютъ сверху разноцвѣтнымъ покрываломъ, поддерживаемымъ четырьмя, прикрѣпленными къ угламъ ящика, стойками, и затѣмъ ящикъ съ неvěстою вычатъ на приготовленнаго и убраннаго верблюда, и такимъ образомъ увозятъ ее въ аулъ къ жениху. Верблюдъ, на которомъ везутъ неvěсту, и который всегда приводится изъ аула жениха, долженъ быть увѣшанъ колокольчиками (кунграу), украшенъ разными побрягушками и покрытъ коврами. Невѣсту сопровождаютъ ея отецъ и мать. Обязанность прибывшихъ за неvěстою джигитовъ состоитъ въ развлеченіи молодой во время пути; съ этою цѣлію они стрѣляютъ изъ ружей холостыми зарядами, джигитуютъ около ея верблюда и даже устраиваютъ маленькія скачки съ призами, жертвуемыми матерью неvěсты, въ видѣ платковъ, кусковъ матеріи и проч. По пріѣздѣ же въ аулъ жениха, на другой день послѣ вѣнчанія, бываетъ обыкновенно большой праздникъ и скачка съ призами, назначаемыми отцомъ жениха.

Обрядъ вѣнчанія производится только по достиженіи женихомъ и неvěстою совершеннолѣтія, которое у туркменовъ считается: для сы-

(*) Девяткой называется девять золотыхъ монетъ; золотая же монета, т. е. тилля, бываетъ двоякой цѣнности: одна въ 1 руб. 80 коп., а другая въ 3 руб. 80 коп.

на отъ 15-ти лѣтъ, а для дочери отъ 12-ти. Обвѣнчать молодыхъ можетъ всякій, знающій какую нибудь молитву изъ корана. Слѣдуетъ замѣтить, что турмены, также какъ и киргизы, помимо вѣнчанія по мусульманскому обряду, соблюдаютъ еще древній свой обычай, а именно, поклоняются огню, усердно моля его избавить молодыхъ отъ всякихъ несчастій. Мулла, въ кибиткѣ отца жениха, въ присутствіи послѣдняго и собравшейся публики, читаетъ молитву изъ корана, при чемъ двое изъ присутствующихъ держатъ чашку съ водою, покрытую платкомъ, на которомъ лежитъ одна серебряная или золотая монета. Монету даетъ отецъ жениха, платокъ — отецъ невесты. Когда кончается чтеніе молитвы, державшія чашку лица отправляются къ невестѣ, сидящей во все время вѣнчанія въ другой кибиткѣ, и спрашиваютъ ея: «баданыгги багышландынгму» (тутъ произносится имя жениха), т. е. «согласна ли отдать себя (по буквальному переводу «свое тѣло») такому-то?» Она отвѣчаетъ «дагышладымъ», что означаетъ «отдаюсь». По возвращеніи въ кибитку жениха, отвѣтъ невесты передается всѣмъ присутствующимъ, и тогда мулла или другое лицо спрашиваетъ жениха: «сянъ кабуль-кылдынгму», т. е. «даешь ли ты согласіе». На что онъ отвѣчаетъ: «кабуль кылдымъ», т. е. «согласенъ». Послѣ этого оба свидѣтеля оставляютъ у себя: одинъ — монету, а другой — платокъ; чашка же съ водою переходитъ сперва къ отцу жениха, потомъ къ отцу невесты и т. д. ко всѣмъ присутствующимъ, которые, пожелавъ долгой жизни, богатства и многочадія жениху и невестѣ, пьютъ по-очереди воду изъ этой чашки. Въ заключеніе, чашку приносятъ къ невестѣ, которая также, по примѣру прочихъ, пьетъ изъ нея воду.

Вечеромъ, по окончаніи этой церемоніи, въ кибиткѣ одного изъ родственниковъ жениха устраиваютъ для невесты брачную постель, на которой она и ожидаетъ своего жениха, окруженная молодыми женщинами и дѣвицами. При входѣ въ кибитку жениха, молодая встаетъ и покорно кланяется ему. Какъ женихъ, такъ и невеста держатъ въ правой рукѣ по серебряной или золотой монетѣ, которыми, обыкновенно, къ этому времени, надѣляютъ ихъ родители. Женщины, присутствующія при невестѣ, бросаются отнимать монету изъ рукъ жениха, а джигиты, сопровождавшіе послѣдняго, отнимаютъ монету изъ рукъ невесты. Послѣ этого молодые жмутъ другъ другу руки и затѣмъ всѣ присутствующіе удаляются изъ кибитки.

На слѣдующій день, рано утромъ, женихъ, сдѣлавшійся мужемъ, уѣзжаетъ въ какой нибудь другой уба (аулъ), выражая этимъ свой

стыдъ, а невѣстѣ надѣвають на голову *саукелэ* (*) при слѣдующихъ церемоніяхъ: женщины приносятъ этотъ уборъ, сдѣланный на счетъ отца жениха (а у киргизовъ, наоборотъ, онъ дѣлается на счетъ отца невѣсты, и составляетъ главную принадлежность приданого); невѣста, отказываясь отъ саукелэ, съ отчаяннымъ воплемъ начинаетъ плакать о томъ, что она теперь лишилась свободы, разлучается съ родными и т. д. Если же она не плачетъ и охотно надѣваетъ саукелэ, то всѣ ее осуждаютъ, упрекая въ томъ, что она охотно выходитъ замужъ, оставляя безъ жалости родительскій домъ, словомъ, въ неблагодарности. Женщины, присутствующія при этомъ, раздѣляются на двѣ партіи: одна, будучи на сторонѣ невѣсты, также отказывается отъ саукелэ, а другая настаиваетъ на своемъ; при этомъ происходитъ между ними схватка и, наконецъ, вторая партія, иногда при помощи молодыхъ людей, надѣваетъ на невѣсту, какъ бы насильно, этотъ уборъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, родныя невѣсты увозятъ ее обратно въ свой аулъ, а если же разстояніе позволяетъ, то мать невѣсты сама, пріѣзжаетъ за своею дочерью и привозитъ матери жениха «катлама» (**). Въ аулѣ отца жениха она долго не остается, и увозитъ свою дочь обратно въ свой аулъ, гдѣ послѣдняя остается уже на цѣлый годъ.

По возвращеніи молодой, которая все продолжаетъ называться невѣстой, въ аулъ своихъ родителей, на другой же день шлютъ приглашеніе жениху, пріѣздъ котораго долженъ считаться секретнымъ. Дѣйствительно, женихъ не входитъ въ кибитку своего тестя и не показывается ни ему, ни тещѣ, ни даже близкимъ ихъ родственникамъ, а при строгихъ родителяхъ женихъ продолжаетъ скрываться даже до тѣхъ поръ, пока у него не родится ребенокъ. Обыкновенно, къ пріѣзду жениха ставится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ аула особая кибитка или палатка, гдѣ онъ и можетъ имѣть свиданіе съ своею женою.

Всякій, знакомый съ степными обычаями, при видѣ въ сторонѣ отъ аула, на разстояніи саженой ста, отдѣльную кибитку, можетъ безошибочно сказать, что тутъ живетъ пріѣзжій женихъ. Если же одиночная кибитка стоитъ еще на большемъ разстояніи отъ аула, то въ ней навѣрное больной оспой, такъ какъ туркмены и киргизы, опасаясь этой болѣзни, отвозятъ больного въ сторону, и оставляютъ

(*) Саукелэ, — женскій, головной, праздничный, высокій конусообразный уборъ, украшенный драгоценными каменьями, серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и коралами.

(**) Слово «катлама» татарское и означаетъ тоненькія лепешки, поджаренныя въ маслѣ.

его одного въ кибиткѣ. Такого рода больного отказываются посѣщать даже самые близкіе его родственники, и больной, брошенный нерѣдко на произволъ судьбы, умираетъ, не найдя необходимой помощи.

По мнѣнію туркменовъ и киргизовъ, порядочный женихъ долженъ строго соблюдать стыдливость; этимъ онъ оказываетъ должное уваженіе родителямъ своей жены. Такъ, напримѣръ, если женихъ, отправляясь въ какой нибудь аулъ, встрѣчаютъ по дорогѣ аулъ родственника своей будущей жены, то дѣлаютъ объѣздъ, чтобы соблюсти этотъ древній обычай.

Женихъ, въ первый свой пріѣздъ, не остается долго въ аулѣ своего тестя и, отправляясь обратно, подходитъ къ кибиткѣ, гдѣ сидитъ его теща, которая угощаетъ его и, затѣмъ, предлагаетъ ему уйти; тогда женихъ говоритъ: «пока не дашь лошади, не дашь халата—не встану». Получивъ, по обычаю, халатъ или лошадь, онъ садится на приготовленнаго коня и пускается вскачь изъ аула; за нимъ пускаются въ догонку аульные джигиты, чтобы получить отъ него подарокъ (родъ штрафа) за то, что онъ нарушилъ стыдливость жениха; въ случаѣ отказа со стороны послѣдняго, они бьютъ его нагайкою. Во избѣжаніи отдачи подарковъ и непріятныхъ ощущеній, обыкновенно женихи пріѣзжаютъ въ аулъ къ невѣстѣ на лучшихъ скакунахъ.

Невѣста, послѣ отъѣзда жениха, оставаясь, какъ сказано выше, на цѣлый годъ въ аулѣ своего отца, занимается разными работами, желая увеличить свое приданое, какъ-то: вышиваньемъ ковровъ, выючныхъ мѣшковъ, приготовленіемъ кошемъ и проч. Въ теченіе этого годового срока, женихъ навѣщаетъ секретно свою жену, но оставаться долго въ аулѣ ея не можетъ.

По прошествіи года, отецъ и мать сами везутъ свою дочь на верблюдахъ въ аулъ къ жениху, вмѣстѣ съ приданнымъ. У туркменовъ верблюды, на которыхъ привезена невѣста и ея приданое, не поступаютъ въ собственность ни невѣсты, ни жениха, а отправляются обратно въ аулъ къ отцу невѣсты. У киргизовъ же, на оборотъ, все, что пришло въ аулъ къ жениху, съ невѣстою, оставляется въ приданое послѣдней.

Въ аулѣ жениха, послѣ пріѣзда невѣсты, устраивается большой праздникъ, на который пріѣзжаютъ изъ окрестныхъ и дальнихъ ауловъ мужчины и женщины; тутъ бываетъ скачка съ призами и разныя другія увеселенія.

Для новобрачныхъ ставится въ аулѣ жениха совершенно новая

кибитка, что сопровождается также разными эмблематическими обрядами.

Первымъ входитъ въ эту кибитку отецъ и мать жениха, за ними молодой, а затѣмъ уже подводятъ къ кибиткѣ и молодую съ подвязаннымъ ртомъ, что означаетъ общаніе быть покорною своему мужу и называется «джасманъ». Послѣ взаимныхъ привѣтствій и разрѣшенія со стороны отца жениха вступить въ кибитку, молодую жену вводятъ въ ея новое жилище и затѣмъ родители оставляютъ домъ молодыхъ.

По окончаніи праздника по случаю ставки новой кибитки и до отъѣзда собравшихся гостей, а также отца и матери невесты, отецъ жениха долженъ надѣлать женатаго сына скотомъ и имуществомъ. Если отецъ желаетъ оставить сына при себѣ, что совершенно зависить отъ него, то при всѣхъ произноситъ слово «шарыкъ» (участникъ или товарищъ по имуществу), затѣмъ все приданое, привезенное молодою, беретъ себѣ (*) и принимается надѣлать молодыхъ наслѣдствомъ. Исполнивъ это, отецъ дѣлитъ все свое состояніе и скотъ на столько равныхъ частей, сколько у него сыновей, отсчитывая одну часть на свою долю, которая впослѣдствіи достается младшему сыну, оставшемуся до самой смерти при родителяхъ. Часть приданого, передаваемая обратно молодой, идетъ, по ея желанію, въ счетъ наслѣдственного имущества. Надѣлъ этотъ бываетъ только на словахъ, такъ какъ при долговѣчности отца семейства на дѣлъ не осуществляется. Если же отецъ желаетъ совершенно отдѣлить сына, то онъ слова «шарыкъ» не произноситъ и тогда уже сынъ его, получивъ свое наслѣдство, лишается права голоса въ дѣлахъ семейства.

Слово «шарыкъ» для женщины, вышедшей замужъ, имѣетъ въ послѣдствіи ту силу, что она, въ случаѣ смерти своего мужа, становится владѣтельницею всего его имущества, а если желаетъ выйти за посторонняго человѣка, то переходитъ къ нему со всѣмъ своимъ имуществомъ, но непремѣнно лишается прижитыхъ съ первымъ мужемъ дѣтей, оставляя ихъ въ домѣ его родителей. Если же отцемъ мужа не было сказано «шарыкъ», то послѣ смерти молодой, вышедшей замужъ, отецъ ея имѣетъ право воспользоваться ея имуществомъ; точно также и женщина, выходя, послѣ смерти мужа, за посторонняго человѣка, лишается всего имущества, оставляя его роднымъ умершаго мужа. Выходя же замужъ за одного изъ братьевъ

(*) Это обстоятельство во многихъ случаяхъ подбиваетъ отцовъ на произношеніе «шарыка»; къ этому же они побуждаются часто и другими, побочными причинами, какъ то: богатствомъ отца невесты, вліяніемъ его и т. п.

покойнаго мужа, или оставаясь вдовой въ домѣ своего тестя, она ни дѣтей, ни имущества не лишается.

По обычаю, молодая, сохраняя полную стыдливость, не должна разговаривать ни съ тестемъ, ни съ тещей. Впрочемъ, этотъ неудобно-исполнимый обычай не всегда соблюдается, и молодая женщина, соскучившись ходить съ подвязаннымъ ртомъ, начинаетъ разговаривать съ тещей; но это допускается не иначе, какъ послѣ первыхъ родовъ, а съ тестемъ же она никогда не разговариваетъ.

У киргизовъ женщина, вышедшая замужъ, можетъ пріѣзжать къ своимъ роднымъ не раньше какъ по истеченіи одного года, и то если она родила ребенка, а у туркменовъ она можетъ пріѣзжать и спустя 15 дней послѣ выхода замужъ. Счастлива та молодая, которая первымъ родила мальчика: ее всѣ принимаютъ съ восторгомъ и у нея, говоря аллегорически, языкъ дѣлается длиннѣе («дыле узынъ булады»); но если первый у нея ребенокъ дѣвочка, то она особымъ почетомъ не пользуется. Первый пріѣздъ молодой, родившей мальчика, въ аулъ къ своимъ роднымъ, сопровождается большими увеселеніями: собирается публика, устраиваютъ скачки и т. д., и она возвращается домой съ большой добычей.

Мужъ, послѣ смерти жены, можетъ жениться у туркменовъ не раньше года и это соблюдается строго; точно также и женщины выходятъ замужъ лишь по истеченіи годоваго срока. Мужчины у узбековъ не выжидаютъ этого времени, но женщины соблюдаютъ тотъ же обычай, какъ и туркмены.

Какъ туркмены, такъ и узбеки, и киргизы, могутъ, послѣ смерти жены, жениться на ея сестрѣ, если только она ни за кого не просватана; за нее даютъ калымъ: туркмены вдвое, узбеки условную плату, а киргизы одну или двѣ девятки. Вообще, туркмены за вдовцевъ не охотно отдаютъ своихъ дочерей. Если туркменъ лишился второй жены, то за третью платитъ еще дороже и т. д.

Хотя туркмены, какъ намъ утверждали, никогда не разводятся съ своими женами, какъ это дѣлаютъ всѣ средне-азіатцы, но за то они могутъ брать себѣ женъ, сколько имъ угодно. Для этого, впрочемъ, желающій взять пятую жену, долженъ одну изъ прежнихъ обратить съ ея согласія, въ «суфи» (нѣчто въ родѣ монахини), прекращая съ нею супружескія отношенія; если же онъ желаетъ взять шестую, то такимъ же образомъ, вновь обращаетъ одну изъ своихъ женъ въ «суфи» и т. д.

Заподозривъ жену свою въ измѣнѣ, или уличивъ ее въ этомъ на мѣстѣ преступленія, туркменъ можетъ убить какъ жену, такъ и ея

любовника, не подвергаясь за это никакому наказанію; если же онъ убьетъ только одну жену, то съ убійцы взыскивается кунъ.

Кунъ мужчины 1,000, женщины 500 тиллей; при уплатѣ же куна скотомъ, взыскивается за мужчину 100 верблюдовъ или лошадей, а за женщину половина.

2) Похороны и поминки.

Узбеки и туркмены, какъ и вообще магометане, хоронятъ умершихъ въ самый день смерти; откладывать похороны далѣе считается грѣхомъ. По вѣрованію мусульманъ, покойникъ, оставленный до другаго дня, долженъ мучиться. Похороны, мужчинъ и женщинъ безразлично, совершаются одними мужчинами, женщины же въ нихъ никогда не участвуютъ.

Въ Хивинскомъ ханствѣ, близъ Аму-дарьи и ея рукавовъ, и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грунтовая вода слишкомъ высока, покойниковъ, какъ туркменовъ, такъ и узбековъ, не зарываютъ въ землю, а хоронятъ на кладбищахъ такимъ образомъ: мѣсто, избранное для могилы, возвышаютъ на аршинъ или на два, затѣмъ устраиваютъ изъ жженого или сырцевого кирпича площадку, по срединѣ которой оставляютъ углубленіе въ полъ-аршина, или въ аршинъ, длиною въ ростъ человека, куда кладутъ покойника лицомъ къ югу (*). Углубленіе покрываютъ, затѣмъ, тремя или четырьмя поперечными палками и плетенками, или же травой, и сверху засыпаютъ землей. Надъ устроенной, такимъ образомъ, площадкой, смотря по состоянію родственниковъ умершаго, кладутъ глиняный сводъ и выводятъ зданіе, въ родѣ часовни, съ разными украшеніями и надписями изъ корана. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ грунтовая вода низка, покойниковъ хоронятъ прямо въ землѣ, для чего, вырывъ въ поясъ человека яму, устраиваютъ въ одномъ боку ея неглубокое помѣщеніе, куда и кладутъ покойника. Яма покрывается, затѣмъ, перекладинами, плетенками и засыпается землей или пескомъ. При томъ и другомъ способѣ похоронъ, тѣло умершаго помѣщается въ могилу завернутымъ два раза съ ногъ до головы въ саванъ (кефынь), сшитый мѣшкомъ изъ миткаля, кисеи, или холста. Женщинъ обвертываютъ такой же матеріей и тоже два раза, а ниже груди завертываютъ еще и въ третій разъ; затѣмъ, концы матерій—верхній у головы и нижній у ногъ,—крѣпко завязываютъ. Дѣвицъ до четырехлѣтняго возраста

(*) Въ «этнографическомъ очеркѣ киргизскаго народа», помѣщенномъ во второмъ выпускѣ «Русскаго Туркестана», вкралась, не по нашей винѣ, ошибка. Тамъ сказано: «по мусульманскому обычаю хоронятъ въ сидячемъ положеніи». Дѣйствительно, киргизы хоронили прежде своихъ покойниковъ въ сидячемъ положеніи, но теперь обычай этотъ вывелся.

обвертываютъ всего одинъ разъ, съ пяти до шести лѣтъ—два раза, а отъ семи лѣтъ начинаютъ обвертывать три раза, также какъ и женщинъ.

По окончаніи погребенія, тутъ же на могилѣ устраиваютъ присутствующимъ обѣдъ, состоящій изъ варенаго мяса и лепешекъ. Послѣ обѣда мулла читаетъ молитву и затѣмъ провожавшія покойника лица расходятся по домамъ.

Поминки у туркменовъ и узбековъ справляются обыкновенно чрезъ три, семь и сорокъ дней, а потомъ чрезъ годъ. Послѣдняя поминка бываетъ обыкновенно самая пышная. Родственники покойника въ эти дни угощаютъ прибывшихъ гостей, изъ которыхъ каждый является на поминки либо съ бараномъ, либо съ варенымъ мясомъ, либо съ лепешками, смотря по состоянію. На поминки могутъ пріѣзжать и женщины и дѣвицы, а у киргизовъ послѣднія не допускаются. Туркменскія и узбекскія поминки, какъ намъ передавали, ничѣмъ особенно не отличаются другъ отъ друга: на тѣхъ и другихъ собираются родственники и знакомые, оплакиваютъ покойника, вспоминаютъ его подвиги и, наконецъ, наѣвшись до сыта и напившись по горло, расходятся по домамъ. У нихъ на поминкахъ не бываетъ скачекъ лошадей (байги), какъ у киргизовъ, и вообще у послѣднихъ поминки празднуются гораздо богаче: кромѣ скачекъ, бываютъ и разныя игры, состязанія въ пѣніи какихъ либо прославленныхъ киргизскихъ бардовъ, горячо поддерживаемыхъ каждый своею партією, единоборство, вызывающее многочисленныя пари и др. Все это сопровождается неумолкаемымъ шумомъ тысячной толпы, пріѣхавшей даже и съ отдаленныхъ мѣстъ степи, чтобы насладиться любопытнымъ зрѣлищемъ, вдоволь наѣсть и напиться прекраснымъ кумысомъ, а иногда порѣшить на поминкахъ разныя домашнія дѣла и споры многолѣтней давности. Такія поминки продолжаются зачастую цѣлую недѣлю.

3) Одежда и обувь.

Хивинцы, также какъ и всѣ средне-азіяты, носятъ, почти безъ исключенія, длинные халаты изъ полосатой бумажной ткани. Покрой этихъ халатовъ отличается отъ бухарскихъ и коканскихъ тѣмъ, что они узки такъ, что едва сходятся спереди и застегиваются на одну или двѣ пуговицы, которыя, какъ и петли, пришиты къ халату помощію шнура, лежащаго поперекъ груди на три или четыре пальца разстоянія. Царствующій ханъ и вся его династія, для отличія отъ своихъ подданныхъ, носятъ халаты съ позолоченой, филиграновой петлей и съ таковой же пуговицей.

Рубахи хивинцевъ изъ бѣлой бумажной дабы, съ 'разрѣзомъ на плечахъ, застегиваемыя пуговками или завязываемыя тесьмой. Туркмены носятъ рубахи въ родѣ киргизскихъ, тоже бѣлыя, изъ той же дабы; эти рубахи длинныя, съ полнымъ разрѣзомъ спереди, какъ халаты, и имѣютъ на груди завязки.

Нижнее бѣлье, какъ узбеки, такъ и туркмены, носятъ одинаково на одинъ покрой, широкое, какъ чамбары.

Обувь у нихъ, по роду ея, одинаковая и, различается лишь по цвѣтамъ: такъ, узбеки носятъ, преимущественно, бѣлую, туркмены—черную, а каракалпаки и всѣ вообще киргизы Хивинскаго ханства предпочитаютъ яркій цвѣтъ—красный. При этомъ, нужно сказать, что каблуки на сапогахъ бываютъ желѣзные или деревянные; передняя часть сапогъ приподнята вверхъ, съ загнутымъ, острымъ кончикомъ, имѣющимъ съ верхней стороны, какъ украшеніе, ремешокъ.

Царствующій ханъ и его родственники пришиваютъ, противъ колѣнъ, на голенищахъ сапогъ, черный кусокъ кожи, имѣющій полу-круглую форму, что опять означаетъ принадлежность къ ханствующей династїи.

Вообще, средне-азїатцы на заказъ ничего не дѣлаютъ, не говоря уже объ обуви, а покупаютъ все готовое на базарѣ, полагаясь во всемъ на вкусъ продавцевъ и никакой моды у нихъ не существуетъ.

Головной уборъ у узбековъ «*чугырмя*»—мерлушатыя, высокія шапки, съ круглымъ верхомъ, а у туркменовъ «*тюльпакъ*»—высокія папахи, верхъ которыхъ покрытъ чернымъ сукномъ.

Говорятъ, что прежде, до прихода въ Хивинское ханство *ямшидовъ* (о которыхъ мы упоминали выше), всѣ хивинцы носили тюльпакъ, а по переселеніи въ Хиву ямшидовъ, въ подраженіе имъ, хивинцы стали носить «чугырмя»; но тогдашніе ханы строго за это наказывали, считая ношеніе этого головного убора грѣхомъ, такъ какъ еретики шииты, въ древнія времена, отличались отъ сунитовъ своими остроконечными, мерлушчатыми шапками, съ краснымъ, суконнымъ верхомъ, отчего ихъ, и по настоящее время, называютъ въ Средней Азїи *кызыл-башами*, т. е. красныя головы. Настоящій же ханъ, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ, не слѣдуя примѣру своихъ предковъ, первый сталъ носить «чугырмя», а за нимъ головной уборъ этотъ принять былъ и всѣми узбеками.

Чалмоносцами же въ Хивинскомъ ханствѣ можно назвать только сеидовъ, ходжей и муллъ.

Женскія одежды у узбековъ представляютъ смѣсь татарскаго и сартовскаго костюмовъ, такъ, напримѣръ, платье дѣлается на покрой

татарскаго съ воротничкомъ или маленькимъ татарскимъ, или съ большимъ сартовскимъ. Сверхъ платья надѣвается камзолъ, кругомъ обложенный позументомъ, а если онъ теплый, то выдрой. Камзолы эти, узкіе и короткіе спереди, застегиваются на пуговицы, а теплые дѣлаются съ стоячимъ воротникомъ, на подобіе нашихъ русскихъ кафтановъ.

Лѣтняя женская обувь, у средняго класа, состоитъ изъ галошъ, надѣваемыхъ, зачастую, на босу ногу, а богатые носятъ вышитую, татарскую обувь.

Голова женщинъ убирается бѣлымъ миткалемъ, бязью (холстомъ), зономъ, на подобіе киргизокъ. Узбекскія замужнія женщины покрываютъ свое лицо волосаюною сѣткою, туркменки же ихъ не носятъ, а просто закрываютъ лицо платкомъ, но большею частію не соблюдаютъ и этого правила. Незамужнія узбекскія женщины заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ и спускаютъ ихъ на плечи; лицо же, вмѣсто сѣтокъ, закрываютъ цвѣтнымъ шелковымъ платкомъ, что и должно означать ихъ дѣвственность. Туркменскія дѣвицы и киргизскія вовсе не закрываютъ лица, а волосы также, какъ и узбекскія заплетаютъ въ косы.

III.

БЫВШІЕ РУССКІЕ ПЛѢННЫЕ ВЪ ХИВѢ.

Представивъ въ вышеизложенныхъ замѣткахъ нѣкоторыя черты изъ быта туземцевъ Хивинскаго ханства, считаемъ не лишнимъ сказать два слова и о тѣхъ русскихъ плѣнныхъ, съ которыми намъ пришлось встрѣчаться во время пребыванія въ ХивѢ.

Извѣстно, что находившіеся въ хивинскомъ плѣну 21 человекъ русскихъ были возвращены ханомъ въ Казалинскъ, какъ только онъ узналъ о движеніи къ его предѣламъ нашихъ экспедиціонныхъ отрядовъ. Но мы знали также, что кромѣ этихъ вышедшихъ изъ плѣна соотечественниковъ нашихъ, въ ХивѢ осталось нѣсколько человекъ русскихъ по добровольному желанію, и весьма понятное чувство влекло насъ къ ближайшему знакомству съ этими лицами. По прибытіи нашемъ въ Хиву, они дѣйствительно явились въ нашъ лагерь; но русскихъ мы въ нихъ не нашли. Среда, въ которой имъ пришлось провести сколько лѣтъ, наложила на нихъ свою тяжелую печать и совершенно преобразила этихъ людей. Они забыли религію, отечество и свою прежнюю семью, словомъ, все, что было для нихъ когда-то дорого. Они совершенно сроднились съ жизнію и взглядами обитателей полудикой страны, куда забросила ихъ злая судьба, такъ что,

въ настоящее время, эти, нѣкогда русскіе, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ хивинцевъ или туркменовъ, среди которыхъ живутъ.

Встрѣтивъ своихъ братьевъ въ кругу полуварваровъ, мы естественно обрадовались имъ и старались окружить ихъ живѣйшимъ сочувствіемъ; но какъ не показывали мы имъ своего расположенія, однако, не могли привлечь ихъ къ себѣ: они продолжали смотрѣть на насъ недоувѣрчиво и видѣли въ приходѣ нашемъ лишь удобный случай чѣмъ нибудь поживиться. Мы предлагали имъ вернуться на родину, давая на это средства, но они отказались, говоря, что родина ихъ не манитъ, а здѣсь они имѣютъ семью и новое отечество.

Вотъ краткія свѣдѣнія о трехъ изъ этихъ бывшихъ русскихъ.

1) Первымъ явился къ намъ крестьянинъ Нижегородской губерніи, Балахнинскаго уѣзда, Чернорѣченской волости, села Чернорѣчья, Дмитрій Матвѣевъ Постновъ, 60-ти лѣтній старикъ. Онъ не былъ еще русскій языкъ и даже читаетъ по складамъ. Онъ рассказывалъ, что 15-ти лѣтъ былъ увезенъ въ плѣнъ туркменами, рода чаудыръ, съ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ онъ занимался рыболовствомъ, а затѣмъ былъ проданъ жителямъ города *Ходжа-или*, за 70 тиллей (126 р.). Въ 40-хъ годахъ онъ былъ освобожденъ изъ рабства бывшимъ хивинскимъ ханомъ Алла-Кули, расположеніемъ котораго пользовался до самой смерти его. Въ настоящее время Постновъ живетъ въ селеніи *Шаббазъ-вали*, на отведенной ему Алла-Кули-ханомъ землѣ, не далеко отъ укр. Петро-Александровскаго, на правомъ берегу Аму-дарьи. Онъ уже давно женатъ на киргизкѣ изъ рода карапалкакъ и имѣетъ 15-ти-лѣтняго сына, по имени Балта-Ниязъ.

2) Крестьянинъ Пензенской губерніи, Мокшанскаго уѣзда, деревни Липовки, Тимофѣй Максимовъ Клининъ, бывший крѣпостной чело-вѣкъ помѣщика Новикова, около 70 лѣтъ, женатъ на туркменкѣ и имѣетъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ 1836 г. во время рыболовства. Въ деревнѣ Липовкѣ у него остались: жена—Елизавета Прокофьевна, мать—Марфа Гавриловна, сестра—Аграфена Максимовна и три брата: Алексѣй, Павелъ и Петръ. Клининъ говоритъ по-русски крайне плохо, трудно даже понять его. Онъ живетъ въ туркменскихъ кочевьяхъ, не далеко отъ города Элаглы, на лѣвомъ берегу Аму.

3) Не помнящій родства Юсуфъ Якуповъ, сынъ одного русскаго, попавшаго въ неволю въ 30-хъ годахъ. Ему теперь 37 лѣтъ, онъ женатъ и имѣетъ пять чело-вѣкъ дѣтей; живетъ въ кишлакѣ *Астана*, въ 15 верстахъ отъ Хивы, по дорогѣ въ г. Хазарь-Аспъ.

Изъ записаннаго нами разсказа его, приведемъ слѣдующій отрывокъ: «Отецъ мой, Андрей, взятъ былъ въ плѣнъ около Аральскаго моря, гдѣ онъ ловилъ рыбу и былъ проданъ въ Хиву киргизами, изъ рода конградъ. Во времена Алла-Кули-хана пріѣзжали въ Хиву русскіе посланники, по требованію которыхъ ханъ хивинскій выдалъ всѣхъ русскихъ плѣнныхъ (*), а мой отецъ вмѣстѣ со мною и своимъ товарищемъ Сергѣемъ не пожелали слѣдовать на родину, и мы остались здѣсь; я только помню наставленіе отца моего не забывать одной русской молитвы: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ».

Кромѣ этой молитвы Якуповъ ничего не знаетъ и по русски со-всѣмъ не говорить.

Какъ ни грустно было видѣть этихъ людей, утратившихъ всѣ признаки своей національности, но, строго говоря, винить ихъ въ этомъ было бы несправедливо. Насильно отторгнутые отъ родины и заброшенные въ чуждую среду, гдѣ жизнь ихъ постоянно висѣла на волосѣ, они, по слабости человѣческой натуры, купили, быть можетъ, облегченіе своей участи цѣною отступленія отъ вѣры предковъ; а тамъ, все сглаживающее время, мало по малу, унесло съ собой и послѣдніе остатки привязанности къ родному отечеству и соединеннымъ съ нимъ семейнымъ интересамъ.

IV.

Породы лошадей въ Хивинскомъ ханствѣ.

Породы лошадей въ Хивинскомъ ханствѣ столь же многочисленны, какъ и племена обитающихъ въ немъ туркменовъ.

Прежде чѣмъ перечислить породы лошадей, опишемъ ту привязанность, которую туркмень чувствуетъ къ своей лошади. Онъ вездѣ внимательно ухаживаетъ за нею, какъ за ребенкомъ, холить, укрываетъ ее зимою отъ холода, лѣтомъ отъ мухъ, разноцвѣтными войлоками, коврами и одѣялами. Лошадь содержатъ въ чистой конюшнѣ, если только можно такъ назвать, темную, глиняную саклю, гдѣ лошадь стоитъ подъ попоной цѣлый день; подъ ноги кладутъ, для мягкости, сѣно, кормятъ и поятъ всегда въ извѣстные часы. Ежедневно, лѣтомъ—вечеромъ, передъ закатомъ солнца, и рано утромъ, пока нѣтъ жаровъ, а зимою въ полдень, когда тепло, — туркмень выводитъ свою лошадь на дворъ, чиститъ ее и ухаживаетъ за нею. Здѣсь она стоитъ часа два, три, привязанная къ столбу, на откры-

(*) Вѣроятно въ 1840 году, послѣ экспедиціи Перовскаго.

томъ воздухѣ, съ притянутою къ верху мордою; затѣмъ, уже туркменъ вводитъ ее обратно въ конюшню.

Попона, которую туркмены укрываютъ лошадь, покрывая всю гриву послѣдней до ушей, спускается ниже хвоста; сверху попоны нѣсколько разъ обтягиваютъ, закрывая брюхо лошади, широкою подпругой.

Намъ рассказывали, что близъ Аму-дарьи водятся маса (мухи—мелкіе оводы), укушеніе которыхъ отзывается на лошади по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: лошадь начинаетъ тогда худѣть, брюхо у нея пухнетъ, послѣ чего она вскорѣ околѣваетъ. Эта болѣзнь называется маса-чаканъ (чаканъ—укушеніе). Для этого, быть можетъ, туркмены покрываютъ своихъ лошадей попоной, такъ сказать, съ головы до ногъ.

У туркменскихъ лошадей не бываетъ гривы, вслѣдствіе довольно тяжелой попоны, которую никогда не снимаютъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Случалось, что киргизы покупали, для приплода, у туркменовъ безгривыхъ лошадей; приведи же ихъ къ себѣ въ аулъ, пускали въ табунъ безъ попонъ и у этихъ лошадей всегда отросла грива.

На уздѣ, противъ того мѣста, которое приходится противъ глазъ, нашиваютъ ремешекъ, разрѣзанный мелкія кисти котораго, спускаясь на морду лошади, защищаютъ глаза отъ мухъ.

У туркменовъ не принято продавать хорошихъ лошадей. Рассказываютъ, что однажды киргизы, прибывшіе изъ Перовскаго уѣзда, встрѣтили одного туркмена на великолѣпномъ, бѣломъ, росломъ конѣ и спросили у него цѣну этой лошади. Въмѣсто отвѣта, туркменъ смѣрилъ взглядомъ спросившаго и покачалъ головой. Когда же киргизы нѣсколько разъ повторили вопросъ, тогда туркменъ обратился къ нимъ и сказалъ: «у васъ водятся безчисленные табуны, но въ нихъ такого животнаго не отыскать; мнѣ жаль, что вы обращаете вниманіе на количество, а не на качество»; сказавъ это, туркменъ, съ быстротою лани, исчезъ изъ ихъ глазъ.

Дѣйствительно, туркменскія лошадь заслуживаютъ похвалы. Лошадь для туркмена дороже жены и дѣтей; надѣясь на нее, онъ пускается въ отдаленныя и безвѣстныя мѣстности за добычею, рискуя при этомъ своею жизнію. Если кровная кобыла случена съ простымъ жеребцомъ, то туркменъ непремѣнно, искусственнымъ образомъ, производитъ выкидышъ.

Мы назовемъ здѣсь, со словъ одного туркмена, тѣ породы лошадей, которыя существуютъ въ Хивинскомъ ханствѣ.

Арабъ и аргмакъ. Первая приводится, чрезъ Персію, изъ

Аравіи, скачетъ хорошо, вынослива, скоро не старится. Вторая, въ родѣ нашихъ заводскихъ, но тонкая и для ѣзды въ пескахъ не годная.

Послѣ этихъ двухъ породъ въ Хивинскомъ ханствѣ цѣнятся порода каля; она имѣетъ всѣ достоинства, вынослива, скачетъ быстро. У туркменовъ даже сложилась поговорка, которая въ переводѣ значитъ: «хорошія лошади у ушаковъ, хорошія женщины у укузовъ» (*).

Сазъ или тюрябайнынъ-сазы. Лошадь этой породы вынослива, сильна; особой быстротой не отличается.

Нурніязъ — лошадь изъ Ахала, водится у яумудовъ, въ отдѣленіи урчукши: красивая тонкая лошадь, неутомимая въ пескахъ.

Акъ-блякъ (**) водится у яумудовъ, въ отдѣленіи укузъ. Тоже красивая, тонкая, какъ кисть руки, по мѣстному выраженію, выносливая и годная для ѣзды въ песчаныхъ мѣстностяхъ; большею частью бываетъ сѣрой масти.

Буданъ — водится въ самой Хивѣ. Смѣсь аргмака съ киргизской кобылой, скакунъ, выносливый.

Карачабъ — приводятъ отъ текинцевъ изъ Мерва; хорошо скачетъ; красивая, стройная лошадь, изъ арабской породы.

Буда-баба изъ Мерва, водится у текинцевъ и очень цѣнится ими.

Акъ-сункаръ — водится у чаудыровъ; скакунъ, красивый и большею частью сѣрой масти. Самое названіе (въ переводѣ значитъ — бѣлый соколъ) доказываетъ силу и быстроту.

Кечемень-ата — водится у туркменовъ-яумудовъ. Лошадь эта легка на скаку и вынослива.

Уда-мергенъ — водится у туркменовъ, рода чаудыръ; сильная, рослая, но тяжелая, ломовая лошадь.

Чарва — водится у яумудовъ, отдѣленія укузъ. Общеупотребительная лошадь, годная, какъ показываетъ самое названіе «чарва» (хозяйство), для обыденной жизни.

Шашли — водится также у туркменовъ-яумудовъ, въ отдѣленіи салакъ. Мохнатая лошадь съ длинною гривой и хвостомъ.

Пустли — лошадь ханскаго завода. Рослая, сильная и выносливая, съ толстой кожей.

Кара-кузъ — также ханскаго завода, изъ породы аргмаковъ: тонкая, чрезвычайно красивая, преимущественно вороной масти.

(*) Ушакъ и укузъ, два отдѣленія туркменовъ изъ рода яумудовъ.

(**) Акъ-блякъ, бѣлая кисть (руки).

Для лицъ, ближе интересующихся, и которымъ, по ихъ положенію, приходится имѣть частыя сношенія съ среднеазіятскими племенами, прилагаемъ къ настоящимъ очеркамъ нѣсколько записанныхъ нами пословицъ и поговорокъ у туркменовъ и киргизовъ, съ соответствующимъ русскимъ переводомъ, а также употребительнѣйшія туркменскія и узбекскія слова и списокъ мужскихъ и женскихъ именъ у этихъ двухъ народностей.

ТУРКМЕНСКІЯ И КИРГИЗСКІЯ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

1. Туянынъ бурасы яксы,—суздынъ турасы яксы. (У верблюдовъ самецъ лучше, въ разговорѣ правда лучше).
2. Дагъ бурисызъ булмась,—агъ угрисызъ булмась. (Горы не безъ волковъ, народъ не безъ разбойниковъ).
3. Сауръ (*) булмай сайранъ булмась,—сайранъ булмай айранъ булмась. (Мартъ не настанетъ, не будетъ гулянье, гулянье не настанетъ, не будетъ айрана (**)).
4. Туркменъ барда егъ булмась,—кагалы ерда курдъ булмась. (Гдѣ туркменъ, тамъ нѣтъ спокойствія, въ городскихъ мѣстахъ нѣтъ волковъ).
5. Туялыкъ ерда тутъ булмась,—трукмянлыкъ ерда юртъ булмась. (Не расти дереву, гдѣ пасутся верблюды, не быть спокойствію міра), гдѣ есть туркмены).
6. Бчыкъ макта улугъ мынъ. (Маленькую хвали, на большую садись).
7. Анасыни курыпъ кызынъ агъ, — кыргайни курыпъ бузни агъ. (Глядя на мать, возьми дочь, выбирая перепелятника, возьми бѣлаго).
8. Атъ алсангъ юрга блянъ юрышъ агъ,—халаяль (***) алсангъ акылъ блянъ хушъ агъ. (Будешь брать лошадей, выбери иноходца съ ходою, будешь брать жену, возьми умную и разсудительную).
9. Атъ алсангъ бум блянъ башъ агъ, — халаяль алсангъ кузъ блянъ кашъ агъ. (Будешь брать лошадей, выбирай шею и голову (****), будешь брать дѣвицу, бери глаза и брови).
10. Узынъ мактаганъ ахмакъ. (Себя хвалящій дуракъ).
11. Заманынгни азгани,—атдинъ ишакъ узгани. (Развращеннаго времени примѣта: оселъ обгоняетъ лошадей).
12. Егри хямъ булса югъ якши,—кари хямъ булса кызъ якши. (Хоть и кружно, но лучше дорогою, хоть и стара, но лучше дѣвица).
13. Кутекъ кушли булса,—джуанъ козыкъ ерга кяръ. (Если колотушка тяжелая, то и толстый копь входитъ въ землю).
14. Акылли пара берядръ, — акмакъ кутекъ ярадръ. (Умный взятку даетъ, дуракъ колотушку раскалываетъ).

(*) Мѣсяць мартъ.

(**) Напитокъ изъ кислаго молока.

(***) Халаяль—законная (жена).

(****) Т. е. «смотри на шею и голову».

15. Ишынъгъ акъ булса—кудаинъгъ джакъ булады. (Если дѣло правое,—то Богъ за тебя).
16. Магъ бермаса бермесынъ акылъ-берсынъ. (Не даетъ богатство, не надо, пусть дастъ умъ).
17. Келендынъгъ бетынъ кымъ ашча солъ джели курняди. (Кто (первый) откроетъ лицо невѣсты, къ тому она больше расположена).

УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ТУРКМЕНСКІЯ И УЗБЕКСКІЯ СЛОВА И ВЫРАЖЕНІЯ.

(съ переводомъ ихъ).

Адамъ (человѣкъ).
 Аръ (мужчина, мужъ).
 Гатынъ, халаимъ (женщина).
 Гизъ (дѣвица, дочь).
 Гудякъ (дитя).
 Эшъ-игытъ (юноша).
 Балагатга йитгенъ гизъ (взрослая, совершеннолѣтняя дѣвица).
 Бия (барыня, жена знатнаго человека).
 Юзъ (сто; лице).
 Гузъ (глаза).
 Гара-гузъ (черные глаза).
 Гашъ (брови).
 Гулакъ (уши).
 Дишъ (зубы).
 Дылъ (языкъ).
 Аль (рука).
 Хауазъ (голосъ).
 Гурынъгъ; по киргизски «сыбыръ» (шопотъ, секретный говоръ).
 Ага (хозяинъ, господинъ).
 Улы (старшій).
 Зуръ (большой).
 Дугма (рабъ, пѣнный; такъ зовутъ персіянь).
 Чури (рабыня, персіянка).
 Диванъ (писецъ).
 Бятъ-худа (старшина).
 Гунъ (день).
 Дуня-гунъ (вчера).

Бурнаги-гунъ (третьяго дня).
 Азанда (завтра).
 Азанда-гель (*) (приди завтра).
 Азанда-гельса-на (приди-ка завтра)!
 Гельтыръ (принеси).
 Гельтырсана (принеси-ка).
 Гельтырачакмынъ (долженъ принести).
 Гедъ (уйди),
 Гедсана (уйди-ка)!
 Беръ (дай).
 Берсана (дай-ка).
 Баръ (иди).
 Барсана (иди-ка).
 Дангышъ-алды (связали).
 Дангышъ-куйды (привязали).
 Ничатачакъ (какъ бытъ, что дѣлать)!
 Су дашимакъ (разливъ рѣки).
 Су дашинганда (во время разлива рѣки).
 Гузяръ (переправа).
 Гупръ (мостъ).
 Баувать (плотина).
 Ябъ (каналъ, арыкъ).
 Салма (маленькій арыкъ).
 Ябанъ, яуанъ (степь, площадь).
 Уба (зимовка).
 Ягынъ (близко).
 Бала (городъ).
 Бантъ (деревня).

(*) Сарты тоже говорятъ такъ, но у нихъ подъ словомъ «азанъ» понимается время утренняго призыва къ молитвѣ.

Каргалыкъ (зубцы городскихъ стѣнъ).
 Аджабъ (хорошо, согласенъ).
 Габыръ (могила).
 Уй (домъ).
 Урушъ (война, сраженіе, драка).
 Сагъ (здоровъ).
 Сагмы? (здравствуй, здоровъ ли).
 Нашлатамызъ (что будемъ дѣлать).
 Аджабъ, янына баръ алиша (хорошо, въ такомъ случаѣ иди къ нему). Слово «алиша» татары въговариваютъ «алиса».
 Ызында (въ концѣ).
 Ызынданъ-кельды (слѣдомъ прибылъ).
 Малла чекманъ (сѣрый халатъ).
 Малла ябы (соврасая лошадь).
 Учанъ (пароходъ) (*).
 Харасъ } (мельница).
 Дегермень }
 Гырпичъ (кирпичъ) (**).
 Узакъ (долго, длинно).
 Гайнаръ (горячій).
 Бизмянъ (безмѣнъ).
 Гюрянъка (фунтъ).
 Патякъ (видъ, паспортъ):
 Культа (снопъ; сарты говорятъ «бау».)
 Ашакъ (низъ).
 Ашакда (внизу, въ низовьяхъ).
 Ашакли (нижнія).
 Ягынъ (близко).
 Ня (что, чего).
 Касыпъ (мелочной торговецъ).
 Бакча (садъ).
 Шишмя (молодезь) (**).
 Булакъ (ключъ).
 Сары-яй (лукъ, оружіе).
 Калтаманъ (разбойники).
 Иръ (земля).
 Иръ тытрайды (землетрясеніе).
 Маутъ (сукно).
 Бянь (много).
 Юртынъгъ-ыши-кянь (много дѣлъ у народа).
 Бямъ (мало).
 Ййдакъ (лошадь безъ сѣдла).

Гали (коверь).
 Валаятъ (житель, народъ).
 Гаумъ кардашъ (родственники).
 Мараке (собраніе, мѣсто совѣщанія).
 Накасъ (лѣнивый).
 Хаста (болѣзнь, болѣнь).
 Сагъ (здоровье).
 Уафатъ (холера).
 Сухта (карта).
 Накылъ (поговорка).
 Матяль (загадка).
 Уксырядъ (ушляеть).
 Кама (выдра).
 Хамъ (кожа, неспѣлый).
 Дари (шкура) (***).
 Шахъ (рога).
 Анджиръ (винныя ягоды).
 Анаръ (гранатъ).
 Али (сливы).
 Бара-шубырганъ (черный кишмишъ).
 Кишмишъ (свѣтлый кишмишъ).
 Хусахни (виноградъ зеленый длинный).
 Халамли (виноградъ круглый черный).
 Маска (виноградъ зеленый круглый).
 Мянсалы (персики).
 Эгдя (финики). Сарты говорятъ «джегдя».
 Гауча (хлопокъ).
 Чія (вишня).
 Арикъ (абрикосъ).
 Бна (бальзаминъ).
 Гужумъ, нарбанъ (вязъ).
 Ткянь (колючка).
 Тарбузъ (арбузъ).
 Кіяръ (огурцы).
 (Сарты говорятъ «бадрынъ».)
 Кишъръ (морковь).
 Суганъ (лукъ).
 Дарякъ (тополь).
 Су-садъ (хлѣбъ, продовольствіе).
 Ткумъ (порода лошадей).
 Ябы (простая, рабочая лошадь).
 Ханазадъ (доморощенная лошадь).
 Биръ-ябы (сѣрая лошадь).

(*) Киргизы говорятъ «утъ-кемя».

(**) Сарты говорятъ «гишъ».

(***) Шишмя по татарски—ключъ.

(****) По сартовски—тери, а «дари», по сартовски—лекарство.

Бука (быкъ, самецъ).
Сагырь (корова).
Тай (жеребенокъ).
Бунъ (баранъ).
Байталъ (кобыла).
Куртъ (волкъ).
Тауманъ (заяцъ).
Арькыкъ (самецъ верблюда).
Тилки (лисица).
Чегыртка (саранча).
Куръ-бака (лягушка).
Гуляинъ (слѣпни) (*).
Чбинъ (муха).
Чыркый (комаръ).
Хамышаъ (мошки) (**).
Джузе (крупные цыплята).
Джузякъ (мелкіе цыплята).
Хуразъ (пѣтухъ, а по киргизски «таукъ-айгырь»); «таукъ» (курица), «айгырь» (жеребецъ).

Бедене (перепелка).
Карчитай (ястребъ).
Лачинъ (соколъ).
Уинъ (охота съ птицей).
Ау мергенлыкъ (охота съ ружьемъ).
Уинга-чигаликъ (пойдемъ на охоту).
Арба-игырь (сѣделка).
Харыкъ (узда упряжная).
Джуганъ (узда верховая).
Камытъ (дерево жомута, влещи).
Хаудъ (сѣдло верблюда).
Зинги (стремя).
Зинги-багъ (ремень стремяни).
Нохта (узда верблюда).
Аусаръ (железный крючекъ на уздѣ верблюда).
Бастрыкъ (верхняя попона лошади).
Булзпъ (подпруга).
Синябяншъ (нагрудникъ).
Гулякча (попоная съ кистями).

Имена у узбековъ.

Мужскія: Сеидъ-Ниязъ, Сеидъ-Мухамедъ, Сеидъ-Махмудъ, Шаришъ, Рахимъ-берды, Якупъ, Хасанъ, Хусайнъ, Юсуфъ, Ишмурадъ, Кутли-Муррадъ, Муртаза, Абдраманъ (Абдрахманъ).

Женскія: Биби-Фатима, Биби-Хадича, Биби-Айша, Биби.

Имена у туркменовъ.

Мужскія: Сары-сардаръ, Белямъ-аталыкъ, Ата-Мрадъ, Ата-вакиль, Ходжа-Ниязъ, Ходжа-Нафасъ, Амбъ-Палванъ, Худайкулъ, Акназаръ, Ташибекъ, Аразбекъ, Баймрадъ, Бекназаръ, Аразмамбетъ, Аннамамбетъ, Тажи-Мрадъ, Мамадъ-Бурбанъ, Нурнафасъ, Аташъ, Алла-Назаръ, Барарбабъ, Берды-Ниязъ-ханъ, Ханъ-бекъ, Мамбетъ-Пана, Матъ-Назаръ, Анна-кычъ, Назаръ-гельды.

Женскія: Хаалтачъ, Аманъ-гуль, Ай-джамалъ, Фатма, Уразбачтъ, Уразъ-гуль, Дуунды, Туты (попугай), Туабъ, Бибишъ, Инягуль, Угылъ-дуунды, Аша (Айша), Аманъ, Биби-гуль, Биби-жауамалъ (по татарски «Биби-жамалъ»), Аманъ-дурсынъ (да будетъ здорова), Биби, Ай-жауамалъ, Гуль-жаанъ, Нар-жаанъ.

И. Ибрагимовъ.

(*) Татары выговариваютъ «гуляунъ».

(**) Сарты говорятъ «искабъ-тапаръ», что значитъ—по духу найдеть.